Хорева Лариса Георгиевна
канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация*: статья посвящена исследованию лингвокультурологических аспектов перевода. Актуальность исследования определена следующими факторами: вопросы перевода и переводоведения долгое время находились в ведении лингвистики и филологии, часто не учитывались этнопсихологические составляющие. Автор статьи дает обзор теоретических воззрений на культурологию, определяя ее задачи, цели и методы исследования, делая вывод, что фразеология как никакая другая дисциплина нуждается в лингвокультурологических исследованиях, поскольку передает культурные ориентиры и установки.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, перевод, фразеологизм, картина мира, ментальность.*

Современная филология переживает ряд процессов, которые продиктованы временем. Одним из таких процессов является рождение новых направлений, которые сближают филологию с рядом смежных наук и дисциплин. Одним из таких относительно недавно появившихся направлений является лингвокультурология.

Эта наука родилась в конце XX века, но, несмотря на относительную молодость, уже прочно заняла свою нишу в системе образования. Рождению и развитию новой науки способствовала идея об антропоцентричности языка, которая поставила новые задачи в его исследовании, а также потребовала новых методик его описания и новых подходов при его анализе.

Емкое и развернутое определение лингвокультурологии дали Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков, рассматривающие ее как филологическую науку, «которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

иного языка через изучение языковых единиц различных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [3, с. 13].

Главную цель лингвокультурологии можно определить следующим образом: данная наука «призвана выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции и коды культуры; отраженные в зеркале языка и в нем закрепленные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т. д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами» [5, с. 13].

Исходя из данного определения, мы делаем вывод, что фундаментальными понятиями лингвокультурологии являются «картина мира», «национальный менталитет», «национальный культурный код». Все указанные концепты также получили научное обоснование и развитие только во второй половине XX века.

С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова утверждают, что тремя китами новой науки являются «менталитет», «язык» и «культура».

А.Т. Хроленко описывает менталитет следующим образом: «словом менталитет называют то, что не «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы». Им объясняют то, что в культуре и истории других народов кажется странным и непонятным» [7, с. 45]. В.А. Маслова определяет менталитет как категорию, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты, разномасштабных лингвокультурных общностей [6, с. 49].

С менталитетом тесно связано еще одно важное понятие в лингвокультурологии – картина мира.

У каждого народа и лингвокультурной общности есть своя национальная картина мира, формирующая «тип отношения человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения, в

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

том числе речевого поведения человека в обществе» [2, с. 72–73]. Картина мира опосредована языком, на котором говорит данный народ. Каждому отрезку истории соответствует своя картина мира, которая эволюционирует по мере изменения национальных ценностей.

Примечание. Также необходимо сознавать, что у каждого отдельного человека будет своя собственная картина мира, которая в первую очередь зависит от его характера. Картины мира сангвиника и холерика, оптимиста и пессимиста, экстраверта и интроверта будут противоположны. Следует иметь в виду и тот факт, что психические расстройства оказывают влияние на картину мира. Больные шизофренией и паранойей будут воспринимать мир иначе, чем здоровый человек.

Национальная картина мира определяет национальную языковую картину мира этноса. Наиболее подробно картины мира исследованы в монографии «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» О.А. Корнилова, который определяет их следующим образом:

Научная картина мира, частью которой является языковая картина мира, – это «инвариант научного знания человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения ПВК (пространственно-временного континуума) коллективным научным сознанием» [4, с. 112].

Языковая картина мира – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [4, с. 112].

Национальная языковая картина мира – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса» [4, с. 112].

По мнению О.А. Корнилова, языковая картина мира абстрактна и реально ее нигде не существует, в отличие от национальной языковой картины мира, которую можно анализировать.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Все рассмотренные нами концепты занимают важное место в переводоведении и анализе текста. Сегодня сложно себе представить процесс обучения переводу и переводоведению без учета вышерассмотренных составляющих.

«Перевод через призму лингвокультурологии – это не просто выражение семиотического опыта одной лингвокультурной общности в знаковых средствах другой лингвокультурной общности» [2, с. 224], а переводчик «не просто специалист по переводу с одного языка на другой, он – посредник и участник коммуникативно-познавательного процесса, транслирующий интенции одних людей другим людям» [2, с. 224]. Таким образом, для осуществления перевода, адекватного с культурной точки зрения, переводчик должен быть осведомлен о ситуационных аспектах использования языка, поскольку перевод производится не только с языка на язык, но и с культуры на культуру.

Осознание различий в мировоззрении представителей разных культур сделало перевод актом не только языковой, но и межкультурной коммуникации, что привело к появлению и разделению языкового и культурного концептов.

Языковой концепт – это просто слово, имеющее эквивалент в другом языке. А культурный концепт – это слово со всем рядом «ассоциативно-оценочных значений, которые оно с собой несет и которые во многом непонятны для представителей другой культуры» [2, с. 225]. Именно культурный концепт представляет наибольшую сложность для переводчика, т.к. посредством дословного перевода не получится передать смысл переводимых единиц, а поиск схожего концепта в родной культуре не всегда возможен.

Представители новой науки выделили следующие объекты исследования:

1. Безэквивалентная лексика и лакуны. Следует отличать безэквивалентную лексику от лакун. Безэквивалентная лексика представляет собой такие слова, у которых нет однословного перевода в других языках. В основном она передает специфические явления культуры. Лакуны же являются пробелами в семантической карте языка. Часто они обусловлены тем, что одному языку «неважно» различать то, что различает другой язык. Примерами лакун в испанском языке могут

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

быть слова «bruma» и «niebla», которым соответствует русское слово «туман». Однако если «niebla» обозначает туман над землей, то «bruma» подразумевает туман над морем.

2. Мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке. Архетип представляет собой устойчивый образ, имеющий широкое распространение в культуре, а мифологема – это персонажи или события важные для мифа. В основе мифа, как правило, находится архетип [6, с. 39].

Примечание. В.А. Маслова приводит пример фразеологизмов с компонентом «хлеб», в основе которых лежит архетип хлеба как символа жизни, благополучия и материального достатка: есть чужой хлеб, зарабатывать на хлеб, хлебом не корми. Основной установкой в данных фразеологизмах является то, что хлеб должен добываться своим трудом. Кроме того, хлеб осмысливается как ритуальный предмет, способный оказать влияние на жизнь человека.

В.С. Виноградов, соглашаясь с вышеперечисленными случаями, значительно расширяет сферу безэквивалентной лексики, включая туда все пласты лексики, связанные с реалиями жизни конкретного этноса, при этом разделив рассматриваемую лексику на группы. К первой группе он отнес бытовые реалии, т.е. слова, использующие для наименований различных видов жилища, имущества: одежды, уборов; пищи, напитков; видов труда и занятий; денежных знаков, единиц меры; музыкальных инструментов; народных праздников и игр; обращения. Во второй группе Виноградов обозначил этнографические и мифологические реалии: этнические и социальные общности, а также божества, сказочные существа и легендарные места. К третьей группе относятся реалии мира природы: названия животных, растений, ландшафта. В четвертую группу входят реалии государственно-административного устройства и общественной жизни: административные единицы и государственные институты; общественные организации, партии и т.п; промышленные предприятия; воинские и полицейские подразделения; гражданские должности, профессии, титулы и звания. К пятой

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

группе Виноградов отнес ономастические реалии: антропонимы (имена и фамилии); топонимы (географические объекты); имена литературных героев; названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, аэропортов и т. п. В последнюю, шестую, группу входят ассоциативные реалии: вегетативные символы; анималистические символы; цветовая символика; фольклорные, исторические и литературно книжные аллюзии; языковые аллюзии [1].

При переводе таких реалий, по мнению В.С. Виноградова и его последователей, необходимо прибегнуть к следующим приемам:

– *транскрипция и транслитерация*;

– *гипо-гиперонимический перевод*. При таком способе перевода необходимо установить «отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие-реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие, или наоборот» [1, с. 118]. Например, такие испанские слова, как *нопаль* (вид кактуса) и *кебрачо* (вид дерева), будут соотноситься в переводе с их межъязыковыми гиперонимами: кактус и дерево;

– *уподобление*. При переводе уподобляемые слова называют понятия, соподчиненные по отношению к родовому понятию. Например, *мачете* – тесак, *бомбачи* – шаровары;

– *перифрастический*, или описательный, перевод, в котором переводчику необходимо объяснить смысл переводимого слова. Например, *сельва* – тропический лес, *пучеро* – похлебка из говядины. Перифраз нередко совмещается с транскрипцией, заменяя при этом подстрочный комментарий: «Хуана поставила на стол пучеро, похлебку из говядины, и все принялись за еду»;

– *калькирование*. В.С. Виноградов отмечает, что такой прием перевода наиболее характерен для перевода неологизмов.

Говоря о переводе фразеологизмов, необходимо учитывать в первую очередь картину мира того этноса, с языка которого переводят и картину мира того народа, на язык которого осуществляется перевод.

Фразеологизм, будучи концентратом представлений о мире, требует максимально глубокого погружения в мир культурных кодов данного этноса.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Например, испанская метафора *ser un aguila* (букв. «быть орлом») вовсе не подразумевает тех качеств, которые исконно приписывают орлу другие этносы. Напротив, в испанском языке эта метафора означает очень осторожного, даже изворотливого человека. Точно так же другой зооним *ser un lince (*букв. «быть рысью») призван акцентировать внимание на скорости, но никак не на осторожности, как может подумать носитель русской картины мира, где рысь ассоциируется именно с этим качеством. Комар в испанской картине мира является олицетворением беспробудного алкоголика, поэтому любое сравнение с комаром должно отталкиваться в первую очередь с этим фактом, а перевод данного фразеологизма на русский язык потребует полной трансформации картинки, поскольку в России образ алкоголика ассоциирован скорее с определенными профессиями, чем с животными.

Не менее интересен образ медведя в испанской культуре, где он ассоциируется с любвеобилием, что совершенно не совпадает с его русским портретом, где медведь является синонимом силы и мощи.

Поговорка «*a cada cerdo le llega su San Martin*» (букв.: для каждой свиньи наступает свой день Св. Мартина) на русский язык должна переводиться существующим аналогом «сколько веревочке не виться…», поскольку смыслово отвечает именно этой конструкции. Текст про поросенка и как-то связанный с ним день празднования святого Мартина будет непонятен большинству читателей, поскольку лишь немногие осведомлены, что в Испании в этот день обычно забивают свиней.

Эти и другие примеры наглядно показывают, что культурологические аспекты перевода должны занимать приоритетное место в процессе обучения переводу и переводоведению.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2. Евсюкова Т.В. Лингвокультурология / Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2014. – 480 с.

3. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009.

4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.

5. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

6. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский дом «Академия», 2001. – 208 с.

7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии / А.Т. Хроленко, под ред. проф. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 184 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)